

Мария Головановская

Танец

Набив желудок курятиной, с лоснящимся красным носом, вытирая потной ладонью потный лоб, вглядываясь скорее в полупрозрачный контур, скользящий по черному стеклу, испещренному блеклыми рытвинами чахоточных фонарей, задумчивых, со склоненными бутанообразными головками, нежели в зеркальную поверхность противоположной стены, с которой не сводишь глаз ты, под мерное поскрипывание правого тупорылого ботинка...

Ладно. Я подпишусь на твою газету. Буду слушать твои сказки, читать твои мысли. Ходить по струночке, натянутой между окном и дверью, пугаться кризисов. Спорт, объявление, реклама, интервью с улыбочивыми кинозвездами – по чайной ложке утром, днем и вечером, на ночь – кроссворд.

Я подпишусь на твою газету, буду глотать глазами черные, немного старомодные буквы вперемежку с попавшим в рот волоском, хватать размягченным телом отливающие металлом заголовки, чтобы когда наступит ночь модно было, поблескивая в матовом желтом потоке крепким черным клювом, любоваться через стекло светом в твоём окне, горшками на подоконнике, пьянеть от запахов, выползающих из приоткрытой форточки. Все. Наконец-то. Пытаясь справиться с ржавчиной в суставах. Хотя по странному совпадению, когда температура поднимается выше дозволенного градуса, включается мотор, валит из-за трепетных ребрышек холод и содрогание, от которых на заварочном чайнике оживает, наполняя дом тревожным перезвоном, фарфоровая крышечка с отверстием в скользком помпоне, и захлопывается толстостенная дверца, чтобы уберечь продукты, потроха от порчи, пока равновесие не восстановится, не щелкнет выключатель, не потухнет лампочка.

Ты (колена, лопатки, спина) растворяясь в хрипах агонизирующего фортепиано, не веря в скачок, а только в жар и холод, в слезы, с истерику, насморк (поворот), перемолов полустертыми зубами мясо и зелень, виноград и рожки с кремом (наклон), смотришь, устало отбивая ресницами « Как опять?», смотришь в сторону на обитую материей стену, бледную невинность, нажимающую на клавиши и педали (поворот), подбрасываешь в топку паленья, чиркаешь спичкой, открываешь газ.

Как котята под гору, в едином шерстяном потоке, не подмять, не подмяться, только скорость и свист, как катушка с метрами крутого спуска, вперед! До остановки на плоскости, площади, когда можно наконец понять, что – чье, расцепиться, содрогаясь от шума и толкотни, факельщиков с суровыми лицами гологрудых женщин, пляшущих у костра, извини, докатились.

Ладно. Я выброшу старые тетрадки. Листы в клеточку, в линейку с написанными корявыми буквами и цифрами, ради твоих пахнущих типографской краской с черно-белыми лицами, откажусь от гипотетических красных шариков пятерок и четверок с закорючистой учительской подписью (поклон-ответ, сдержанный, размеренный, полный достоинства), я выброшу свои тетрадки и подпишусь на твою газету, с ветки наблюдая, как ты просыпаешься, прячешь лицо в подушку, пытаешься укрыться от медленно проявляющихся красок пола, стены, потолка, спинки кресла, отдавая комнату прелестью идеально выбритых подмышек, доканчивая фигуру вечером на узкой площадке над столиками, под звон бокалов и шипение шампанского, после цыганки, перебирающей

натруженными пальцами в тяжелых бриллиантах шершавые гитарные струны, юноши неопределенного пола в серьгах, мальца, поющего о собаке, в ожидании того момента, когда судья на картонном кружочке поднимет цифру, и можно будет (реверанс, поклон, румянец), разлепив наконец потные руки, смыть лосьоном грим, выкурить по сигарете.

Свершилось (фрак, бабочка, ботинки). Я выброшу из головы старые желтые тетрадные листы, выплуну розовую, пахнущую клубникой резинку, и подпишусь на твою газету, чтобы утром, при свете отражающейся в черном оконном стекле настольной лампы пить с тобой, чай громко размешивая сахар ложкой, гулять глазами по твоему профилю, радоваться розовым кубикам мяса, тертой морковке, геркулесовым хлопьям. Все. Мы договорились с тобой. Каждое утро. Почтальон. В зеленый почтовый ящик. Механическим движением. Сличая номер, написанный белой масляной краской с карандашной загогулиной на газете. Мне.

Семь. Десять. Двенадцать. Мало (поклон в сторону судей). Еще хотя бы один, полтора, идеально – два (поклон зрителям). Слезы: «На этих улицах не валяется золото.» Слезы: «Здесь нет золотиносных жил и нет смысла взрывать асфальт». Вода и газ шумят в облитых бетонной смесью трубах, глина раскисает от дождя, замерзает на морозе, ниже – стоки, крысы, как китайцы все на одно лицо, шепчутся, шушукаются. Потом, после (перчатки, карман, спина), может быть завтра, заматавшись в прогнившие нитки улиц, сойдясь, наконец в одной точке при свете бестелесной невинности, давящей на клавиши, под звуки успокаивающего «раз и, два и...»

Особенно, когда оболочка начинает барахлить, плохо ходит, шаркая разбитой обувью, плохо видит от хронического недостатка важного витамина в пище, в корме, принесенного в уродливой коричневой авоське. Плохо отапливается, оттого что реакция в вечно переполненном желудке пошла не в ту сторону и вместо тепла выделяет холод, когда убегают, ускользают словно прихотливые тени слова, и никакое потообильное усилие не может заставить их вернуться назад, в копилку, рука инстинктивно ищет молнию, чтобы снять ее, эту оболочку, как скафандр, как акваланг, сбросить продрогшие облатки на выдраенную палубу, и хочет, ох как хочется дождаться скрипа поднимающегося лифта, хруста замочной скважины, руки с неизменным хозяйским запахом, которая непременно выведет на воздух, во двор с детскими качелями без сидения, полуфабрикатом снеговика, сладким духом помойки, опилок, дворничихи, и там, расправив заскоружные легкие, кинуться по обычной траектории, кругами, мимо машин и чужих подъездов, где на каждом выступе, каждом столбе – чужое имя.

Не опоздав ни на минуту, разминая уже послушные ноги, рук, спину (душ, массаж, диета), готовясь к сложнейшему проходу, к сложнейшей поддержке на фоне сияющего голубизной от пола до потолка оконного проема, отражающегося в свежепротертой поверхности зеркала противоположной стены, начинаем с простейшего, любимого и легкого, с бабочки и цветка, стрекозы и муравья, детского праздника, хоровода вокруг елки. Чтобы снова (поклон) с радостно бьющимся сердцем (румянец) подпевать мелодии, слепленной безжизненными пальцами (руки в стороны, группировка), хором (подбородок к коленям), внимать ласковому, манящему заговору (прыжок), нашептыванию (руки в сторону) обещанию (толчок), свежести тертой морковки (вращение), гренкам в бульоне, поту, сырым бровям, влажной шее, пока не закружится голова, не шевельнется под коронкой боль (поворот), не раскровится десна, обагрят девственную плоть яблока... Стоп!

Я не выбираю тебя (поворот, профиль, затылок): ни портрет, ни кризис, ни кроссворд. Зуб-король в золотой коронке, обезнервленный, обточенный как надо, говорю твердо (поворот, фас): не-вы-би-раю. Не наслаждаюсь именем, обдавая его слюной, как леденец, не восхищаюсь профилем, заманивая жесткие линии в черный хрусталик, не стремлюсь ловить локатором уха пение льющейся из крана воды, звон посуды, бульканье кипятка, победный клич задвигаемых штор (стоп!), и если ты (стоп!), желтая, розовая, синяя, фиолетовая (стоп!!!) позволишь лепестку оторваться от пестика, я разорву парящие в зеленоватой воде прозрачные нити водорослей и медленно, не задевая ни за что красными плавниками, двинусь в путь, глотая свежий планктон, разгоняя стаи мальков, дразня актинии, шарахаясь белобрюхих гигантов.

Сугулые, налитые, каменные, хрустящие – расправиться разом, как только дрогнет занавес, смазать маслом все сочленения, натереть воском жилы для легкости, плавности, гибкости, ты растираешь руками икры, массируешь колени, готовясь ринуться на сцену с декорацией из белых и черных кубов, забраться по нетвердой лесенке в беседку на канатах, где мы, сцепив липкие руки, отталкиваясь от ходящего ходуном поля, будем исполнять фигуру за фигуру, тая, как мороженное, в жарких потоках света, до тех пор, пока не стихнет последний аккорд, не взорвется аплодисментами зал. Ты прекрасно разбираешься в травах, отварах, противовоспалительных, успокоительных, ты знаешь, как действуют лекарства, радуешься цветам, улыбкам, комплиментам. Горящим глазам поклонников. Отступать некуда. Точка невозврата.

Осторожно прихлебывая воздух, словно суп, сваренный полуслепой бабушкой, где среди вермишели или капусты жди яблочной скорлупы или булавки, тщетно пытаюсь выловить мусор ложкой, опускаешь палец в горячий бульон, беспомощно бормочешь « бред», «брод», «брюки», получая в ответ «атмосфера», «абсурд», «апать», стараешься доказать намерения, натянув свитер в английских ромбах, растянутых или новеньких, подаренных и пропахших в шкафу нафталином. В ленивом троллейбусе или набрякшем лифте отчетливо чувствуешь, как ТВОЙ, найдя близнеца, оценивает ровность контура и торжествуя краснеет швами, обнаружив у собрата вместо коричневого розовый ромб, или пятно, или замохрившиеся бока и брюхо. Это к тому, что танцуют все, а в белом танце и в черном, и в выигрыше тот, у кого стремительнее и прекраснее линия, всегда уносящая тебя за горизонт.

«Вот видите, -- говорим мы хором со свитером и всеми его ромбами, -- у нас есть намерения и мы отдаем себе отчет в их сущности». А это значит, горбясь наволочкой, стелясь простыней, я дождусь репортажа о гибели конницы, поджоге привокзального кафе, маньяке достающем из кармана и из ширинке один и тот же разящий кинжал в надежде подцепить пару невинных девичьих кареглазых пробежек, -- и усну (-ем, ешь) под гром сковородок, доносящихся с кухни, оставив газету на тумбочке у постели, разминая нос как картошку о подушку чужого лица. Послушный, смирившийся, станцевавший как надо.

Как только включаешься (кожа, потолок, свет), еще до того, как открыть глаза, исподволь, ощупью, с потным затылком, проверяешь рукой шов (жив? Жив?), двигаешь полупрозрачной от солнечного света ногой под мраморно-холодной простыней, пробуешь движение (запах, тепло), радуешься укропной воде больше, чем утру после бессонной ночи. Солнце сквозь сон, когда сосед начинает храпеть, выволакивает на поверхность яви – вот она замысловатая ступенька наверх, к правильным синхронным движениям, когда партнер уже становится частью тебя – не важно как, хирургических, гомеопатически, главное – стать.

Синий костюм, коричневая рубашка, красный галстук. Майка, заштопанная по шву. Выковыриваешь меня, как мясо, застрявшее между зубами. Гонишь вон, прочь отсюда, стреляешь люрексом, застревающим в плоти, задевающим кость: «А кто тебя просил так вживаться в образ?».

Ладно. Какая разница кто из вас. Короткая стрижка долинная, стрижка. Одно отрастет. Другое обрежется под корень. Разглагольствует, стараясь держаться в центре полосы, кадра, сцены. Бородач-дирижер, крупных, седовласый, солидный (ты), то и дело подбадривающий юного солиста с проворными пальцами (ты), вызывающего зависть и восхищение оркестрантов (ты), девочка с бантиками (ты), терзающая божью коровку (ты), плешивый помочник (ты) с желтыми от грубого курева зубами и селедочным смрадом, разрывающий железным крюком чрево помойки (ты) скромные траты с девяти до шести, убогий отдых, мельница, пляшущая на месте (ты), струя золотого света полощет кожу, -- подумаешь немеет рука или в горле першит, пройдет! – еще вчера была еда, а сегодня черви, я(ты) впускаю тебя как воздух, глотаю, как слюну (вдох), чтобы потом аллергически чихнуть, раскашляться, харкнуть кровью (выдох).
Выдох.

1993 год